Намерения

Поводами к сочинению этой книги послужили три переживания, объединившие обоих авторов.

Первое — это тревога по поводу уже ставшего привычным для многих темпа перемен реальности, с объяснением которых едва ли справляется сознание, теряющее способность играть свою главную роль. Это роль целеполагающего центра, конструирующего смыслы и поднимающего наше биологическое существование на экзистенциальную высоту, где основную работу выполняют как раз смыслы, ценности, осознанный выбор своего поведения. Живое сознание теперь вынуждено формировать свое человеческое бытие, свою ответственность, зарождать основы своей социальности и нравственности в условиях ускоряющихся перемен, и это совсем непросто. Такое переживание созвучно библеровскому откровению: «Никто за меня это уже не обеспечит, история и дом меня не подпирают, инерция завершена. От моего начинания (жизни? истории? культуры?) зависит мое физическое и мое действительно человеческое бытие»[1]. В этой связи упрощение культуры, сведение ее к временно успешным примерам «поведения», которые в наши дни активно насаждает по планете западный мир, представляется совершенно бессмысленным и даже опасным. В этом упрощении мы рискуем потерять свою самость, что равнозначно самоуничтожению нашей культуры.

Вторая эмоция исходит из нарастающего внутреннего зова к тому, чтобы в «операционке» трудовых будней, создающей продукты с ценностью для платежеспособных покупателей, не терять сакрального значения своей деятельности. Разумеется, результатом трудовой жизни становятся доход и обусловленное им благополучие — главные «фокусы» эпохи торжества капитала. Но иллюзорность такой формы счастья еще сто лет назад в своих «Дневниках» красиво разоблачил Л. Н. Толстой, указав на то, что во всех наших профессиях и через них происходит не создание продуктов потреб-

---

[1] *Библер В.* Культура XX века и диалог культур // На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997. — 440 с.

ления, а нечто иное, и во всем этом мы лишь нравственно упражняемся[1]. Замечательным продолжением этой мысли является мысль о сути человеческого труда как созидающего «произведения».

> Произведение, в отличие от продукта потребления, предназначенного, чтобы исчезнуть, или от орудия труда, могущего работать в любых умелых руках, есть отстраненное от человека и воплощенное в плоть полотна, звуков, красок, камня собственное бытие человека, его определенность как этого, единственного, неповторимого индивида[2].
>
> *В. С. Библер*

Эти брызги смыслов приводят нас к пониманию того, что любое человеческое «произведение» есть не что иное, как «произведение культуры». И никак иначе, поскольку в мире мыслящих миров животворным продуктом активности являются не столько следы инстинктов, двигающих животное в нас, сколько следы мышления. А это уже сфера Культуры[3]. Иными словами, мы сознаем необходимость исполнения своей деятельности в ее культурологическом значении, при котором обнажается, что наши поступки определяются изменением самого бытия, а не его застывшими формами.

Третье переживание связано с пониманием того, что Культура есть там, где сосуществуют две культуры, поскольку она есть форма их диалога.

> Культура лишь тогда культура, когда она современна, когда она способна выйти из своего времени, выскочить из временной стрелы и включиться в сугубо современное сопряжение культурных смыслов[4].
>
> *В. С. Библер*

---

1 *Толстой Л. Н.* Избранное. Дневники 1895–1905 гг. — Ростов н/Д: Феникс, 1998. — 544 с.

2 *Библер В. С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989. — № 6. — С. 31–42.

3 Здесь и далее под Культурой (с большой буквы «К») в широком смысле будет пониматься природа мыслящих миров, «вторая природа». При этом культура с малой буквы «к» будет означать культуру конкретного общества.

4 *Библер В. С.* Культура XX века и диалог культур // На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. — М.: Русское феноменологическое общество, 1997. — 440 с.

Существо этой идеи уже неоднократно обсуждалось в научной и в публичной риторике, но в разные времена ее интерпретации творчески раскрашивались по-разному. В дни, когда пишется эта книга, основной мотив переживания связан с чрезвычайной необходимостью глубоко понять особенности нашей культуры — культуры мира, говорящего и мыслящего на русском языке. Стоит ли специально обсуждать причины этой необходимости, обострившейся в наше время, когда Россия снова испытывается на прочность своих смысловых оснований как государство, как держава, как самобытная культура, как уникальная цивилизация. Все это — разное.

Главными вопросами в такие исторические моменты становятся вопросы о том, каковы мы. В чем наши силы и слабости? Куда и какими нам двигаться дальше? С кем? В попытках отвечать на эти вопросы мы попадаем под действие неоспоримого принципа относительности Галилея, который упрощенно можно представить так: находясь внутри инерциальной системы, нельзя увидеть, как она движется. Это фундаментальное ограничение самопознания снимается в сопоставлении себя с другим, своей культуры с другими или хотя бы с одной культурой иного типа. Но в этой культурологической компаративистике возникают новые вопросы. Что именно сравнивать в культурах, если на определение понятия ее самой претендуют более 300 разных концепций? По каким правилам (критериям) сравнивать культуры? Из каких оснований выводить суждения о сохранении или изменении культуры?

Некоторые ответы на эти вопросы у нас есть. Великолепным примером здесь является работа Н. Я. Данилевского[1]. И вообще, российская философская мысль богата попытками сравнительного анализа русской культуры и других (А. Хомяков, И. Киреевский, К. Аксаков, П. Чаадаев, В. Белинский, А. Герцен, В. Соловьев, Н. Бердяев, И. Ильин, М. Бахтин, Ю. Лотман, А. Панарин и др.). Но по мере развития культурологии и возрастания требований к точности культурологических оценок развития обществ запрос на повышение мощности объяснения феноменов, механизмов и направлений развития нашей культуры усиливается. Однако попытки «измерить» культуру русского мира, не выходя за его пределы, продолжаются, лишая наши решения о будущем объективности. Пожалуй, это переживание явилось наиболее чувствительным толчком к сочинению.

Книга названа «Россия и Китай. Диалог культур». То есть культура России здесь постигается в сравнении с культурой Китая. Вместо Китая объектом

---

[1] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — М.: Известия, 2003. — 607 с.

исследования могли быть взяты Иран, Индия, Европа, США или любые другие центры сформировавшихся и становящихся цивилизаций. Стоит ли доказывать, что результат сопоставления культур, который целиком направлен на постижение нами, русскими, самих себя (все другие пусть постигают свои силы сами), во всех этих сравнениях зависел бы лишь от глубины нашего вопрошания культур, а не от их особенностей? И все же выбран Китай. Отчего так? Есть несколько оснований.

- Это наиболее древняя сохранившаяся культура, что дает нам пример ее удивительной жизнестойкости.
- Население Китая так же, как и Россия, не мононационально, несмотря на то что официально доля доминирующего этноса (ханьцев) составляет в нем 91 %. Помимо признанных на государственном уровне 56 национальностей, существует огромное количество малых этносов, говорящих на своих диалектах. Это обстоятельство роднит наши страны.
- Судя по признакам культуры Китая, ее код имеет существенные отличия от культуры русского мира. Это связано с ее особенной историей, во многом сохранившейся (тоже по культурным основаниям), и контекстом ее становления.
- В разные эпохи Китай был и успешным, и неуспешным, что сохранилось в его опыте, питающем ценностно-смысловое ядро культуры с высоким прагматично-приспособительным основанием. В этом опыте ничто не отрицалось, а увеличивало толщину культурного слоя. Тем самым: 1) закреплялось традиционное; 2) усиливалась способность выживать через терпеливое ожидание и задействование опыта; 3) увеличивалось разнообразие способов выживания.
- В настоящее время Китай демонстрирует высочайшую живучесть, высокий темп развития при сохранении базиса своего кода, что создает вызовы культурам с другими корнями.
- Наконец, Китай — наш сосед. А жизнь соседей всегда интересна, поскольку сулит как близкие возможности, так и угрозы. Разумеется, интереснее всего первое.

Все это дает замечательный повод исследовать взаимодействие культуры Китая и России, возможность в ходе его понять закономерности долгосрочного сосуществования культур с разными кодами и усилить свое понимание Культуры в широком смысле. Но, пожалуй, более важной для современного исторического момента России представляется возможность понять самих себя — свою культуру.

На старте творческого пути основные наши намерения состояли в следующем.

Первое — убедительно выразить свое понимание нашей культуры, которое открылось в опыте сопоставительного исследования. Разумеется, это намерение движимо стремлением овладеть своей собственной силой (у Китая свои заботы). Исполнению этого намерения помогало то обстоятельство, что наши попытки понять особенности культуры русского мира уже состоялись. Ее существенные признаки исследовались в Клубе концептуальных аналитиков с 2014 г.[1] Результаты этого поиска отражены в книге, вышедшей в 2023 г.[2] Авторы этой работы изначально сознавали ее сложность, которая исторически нарастает в обществе, исконно погруженном в поиск оснований своей самобытности, своего исторического пути. Тем не менее первая версия кода нашей культуры, выполненная инструментальными средствами концептуальных технологий[3], существует и подталкивает рождение второй. Здесь мы будем опираться на состоявшийся опыт в уместной для выбранного жанра книги форме.

Второе намерение — показать и задействовать основания суждений о направлениях развития нашей культуры. В книге эти основания предложены в явном виде. Теперь это может позволить сформировать вполне обоснованную концепцию развития культуры русского мира… на 300 лет. Эту цифру стоит рассматривать как знак такой перспективы долгосрочного развития, по отношению к которой перестают «работать» тренды, STEEP и другие виды анализа, уместные лишь для стратегий близкого периода. Это наиболее желанный результат предпринятого исследования, к которому мы будем медленно, по ступеням смыслов приближать читателя.

Третье — выйти к прагматичным рекомендациям относительно способов долгосрочного взаимодействия с иной культурой, служа повышению жи-

---

1 Клуб концептуальных аналитиков — профессиональное сообщество разработчиков, проводников и пользователей технологии мышления, основанной на тщательной работе с понятиями в традициях школы «Концептуальный анализ и проектирование систем организационного управления» (Школа С. П. Никанорова).

2 *Теслинов А. Г.* Код культуры русского мира. Концепция. Версия 1.0. — М.: НКГ «ДиБиЭй-Концепт», 2024. — 152 с. — (Прикладные концептуальные исследования).

3 *Иванов А., Теслинов А.* Концептуальные технологии. Школа Спартака Никанорова. — М.: НКГ «ДиБиЭй-Концепт», 2023. — 312 с. — (Прикладные концептуальные исследования).

вучести собственной культуры и ее носителей. Есть уверенность, что это удалось. Удалось понять то, как стоит вести себя с «носителями» китайской культуры, чего следует избегать, каковы границы свобод взаимодействия. В книге эти рекомендации представлены в виде обобщения результатов теоретического сопоставления культур и результатов реальных (так называемых полевых) исследований. Для этого в октябре 2025 г. была организована экспедиция команды исследователей в Китай («Живая параллель»). Может показаться странным, что за один месяц путешествий сумеет произойти глубокое понимание малознакомой прежде культуры. Но без глубокого вопрошания и рефлексии опыта проживания его может не произойти и для тех, кто всю жизнь прожил внутри этой культуры. У нас был метод.

Четвертое — испытать метод сравнения культур, пригодный для преодоления сложности, сопровождающей задачи сопоставления цивилизаций. В этом методе предусмотрены: 1) поиск исторических оснований формирования культуры той или иной цивилизации; 2) обоснование содержания и формы выражения самого кода культур, с помощью которого можно было бы обосновывать признаки разных культур и сравнивать их друг с другом; 3) формирование признаков конкретной культуры через синтез ее обликов в исторически сложившейся эволюционной развертке; 4) выведение следствий из сопоставления культур с разными кодами; 5) обоснование направлений развития культур. Прототип такого метода возник еще при обосновании кода культуры русского мира. Но в контексте предпринятого исследования он достраивался и развивался. В настоящей книге этот метод представлен в явном виде на примере сопоставления культур двух цивилизаций (русского и китайского миров) и теперь может быть рассмотрен и обсужден.

Логика исполнения этих намерений построена нами в стиле декартовского рационализма: «Мыслить по порядку, начиная с простых предметов до понимания наиболее сложных»[1]. Она видится состоящей из нескольких шагов (рис. 1).

Шаг 1. Обоснование представления о Культуре, достойное для вскрытия ее сакральных корней, обращение к которым только и может помочь понять ее феномены. Это представление исходит от так называемой смыслогенетической концепции Культуры. Надо заметить, что ее генетический аспект вскрывать пока не понадобилось. Но ее смысловое основание будет обнажено.

---

[1] *Декарт Р.* Рассуждения о методе. — М.: АСТ, 2020. — 416 с.

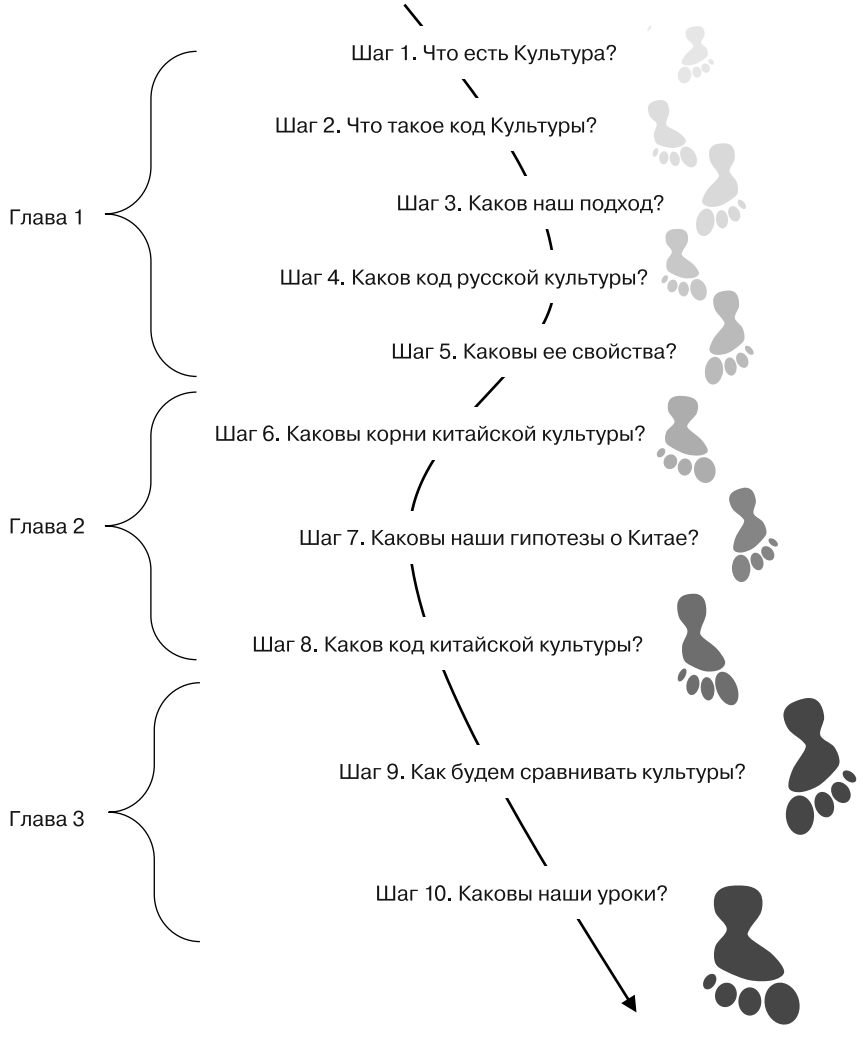

Рис. 1. Логика исследовательского опыта

Шаг 2. Обоснование понятия кода Культуры. Он строится как отображение ее размытых признаков, проявляющихся в поведении ее носителей и языке упорядоченных признаков. На наш взгляд, задавать этот порядок наиболее конструктивно и продуктивно на множестве ценностно-смысловых значений отношений к реальности, которые исстари формировались в культуре конкретного общества и которыми руководствуются люди этого общества, обеспечивая тем самым свою устойчивую живучесть в усложняющихся контекстах реальности. При этом ясно, что в коде культуры общества следует выделять не любые отношения людей к реальности,

а некие особенные — экзистенциальные. Приводятся аргументы за состав этих отношений.

Необходимость этих двух шагов обусловлена сложностью самого предмета нашего исследования — Культуры. Мы посчитали полезным и важным развернуть перед читателем представление о Культуре, на которое мы опирались в своем творческом поиске. Для этого в первой главе обосновываются принятое нами понятие о Культуре и понятие «код Культуры». Эта часть книги может оказаться наиболее сложной для тех, кто не был погружен в непростую научную риторику о существе и закономерностях Культуры. Для быстрого выхода к пониманию и сравнению двух культур ее можно пропустить. Хотя при этом могут быть упущены некоторые важные основания последующих суждений.

Шаг 3. Формирование подхода к построению кода культуры русского мира. В нем мы опирались на то, что: 1) не терялось в нашей культуре в исторически длительной ретроспективе; 2) создавало причины живучести нашей культуры, сохраняясь как подлинное, как «характерное для русских», и 3) представляет собой то неизменное, тот инвариант культуры, который проявляется в нашем обществе и в наше время.

Шаг 4. Построение кода русской культуры. Он зиждется на шкалах, образованных из полярно противоположных ценностей, проявляемых людьми в тех самых экзистенциальных отношениях, примеры которых можно встретить в разных культурах, существующих (и обнаруженных в культурологических экспедициях) на разных континентах. На этом шаге состоялся отбор этого самого «характерного для русских». Разумеется, не все граждане России, не все представители этнически разных сообществ нашей страны и даже не все этнически русские оценят то, что будет показано. Но это не меняет представления о доминирующих ценностях нашего общества.

Шаг 5. Исследование свойств культуры русского мира на основе анализа ее кода. Оно состоялось в «легкой» форме, но достаточной для выбранного нами подхода к сопоставлению культур. Более глубокое исследование ее свойств делается далее при самом сопоставлении с учетом того, что «культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных — прошлых, настоящих и будущих — культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур»[1].

---

[1] *Библер В. С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989. — № 6. — С. 31–42.

Эти пять шагов составляют содержание первой главы. Во второй главе обосновываются особенные признаки китайской культуры.

Шаг 6. Обоснование исторических корней (причин) возникновения и становления культуры китайского мира. Без этих корней всякое рассуждение о китайской культуре бесплодно. Для этого: 1) введены исходные гипотезы подхода к ее пониманию; 2) построены картины основных источников, из которых она вырастала; 3) в теоретическом обобщении построена схема ее кода. По сути, этот поиск означает разработку подхода к пониманию культуры китайского мира. Такая возможность есть, поскольку в отличие от России Китай «помнит» свою историю за несколько тысячелетий.

Шаг 7. Построение кода культуры Китая с упором на понимание ее корней. Полученный при этом результат мы считаем гипотетическим, то есть теоретическим. Он должен быть проверен и в уместной форме подтвержден.

Шаг 8. Формирование представления о действительном коде китайской культуры. Это происходило в живом опыте общения с представителями разных слоев китайского мира. Такой опыт состоялся. Описан живой опыт проверки гипотез и выведены первые уроки из его анализа.

Эти три шага представлены во второй главе книги. Главные уроки сравнения культур раскрываются в третьей главе.

Шаг 9. Сравнение двух культур. Для этого обоснован подход к сопоставлению культур и на одних и тех же шкалах сопоставлены их коды. Любому исследователю понятно, что обоснование способа любого сравнения сводится к выбору его критериев — понадобилось сделать этот выбор.

Шаг 10. Извлечение уроков из сопоставления. Это, пожалуй, самая «вкусная» часть опыта. В завершении книги выводятся суждения, без которых повествование не могло бы считаться полным.

Смеем надеяться на то, что книга послужит усилению качества диалога в отношении культурной самобытности и цивилизационной самостоятельности России, который уже идет на дискуссионных площадках страны, размышляющей о своем будущем, которое непременно будет прекрасным.

Благодарности

Душевно благодарим наших помощников — историков, создавших важные для нас различения культуры Китая, которые повлияли на формирование маршрута нашей исследовательской экспедиции, — Алексея Маслова и Максима Целуйко. Их участие в состоявшемся опыте бесценно. Искренне благодарим Сергея Дмитриева за аккуратную и доброжелательную корректировку наших представлений об исторических событиях, повлиявших на формирование культуры Китая.

Теплая, сердечная благодарность команде исследователей «Живая параллель», в которой рождались и испытывались многие важные для нашего повествования смыслы. Благодарим Андрея Жернакова, Андрея Мельника, Ирину Протасову, Андрея Скрипника, Андрея Саламатина, Павла Пикуля, Екатерину Мильчинскую, Ивана Зазирного, Илью Богача, Веронику Ламекину, Алексея Кунаховича, Андрея Попельнуха, Анастасию Родионову с уверениями в том, что все продолжается! Также благодарим наших замечательных проводников по Китаю Лилию и Ахмеда Арафат, сумевших тщательно и ответственно исполнить все наши экспедиционные запросы!

Особенная признательность Андрею Саламатину, Алексею Седлову, Анастасии Родионовой, Ларисе Платоновой и ряду других наших коллег, которые, имея богатый опыт делового сотрудничества с китайскими компаниями, уточняли наши рекомендации о том, какими правилами следует руководствоваться в практике ведения дел с ними. Это придало объективность нашим урокам сопоставления культур.

Искренняя благодарность Михаилу Ушакову за доброжелательную поддержку и ускоряющее нас ожидание появления книги, на которые опирались наши творческие силы с самых первых дней.

Смеем думать, что наше обобщение уроков совместного исследования не разочарует друзей и коллег.

Андрей Теслинов

Глава 1
Концептуальная схема опыта

1. Фундаментальные зависимости в культурах.
2. Понятие «код Культуры».
3. Понятное о коде культуры русского мира.
4. Первый урок опыта.

1. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАВИСИМОСТИ В КУЛЬТУРАХ

Каждый человек согласится с тем, что любые суждения о каких бы то ни было предметах следует начинать с согласования понятий о них. В рассуждениях о культурах такое согласование имеет особенную ценность и особенную сложность.

Особенной ценностью здесь является то, что любое обращение к Культуре есть подбор ключа к постижению человеческого способа существования, поскольку до появления человека никакой Культуры не было. Она есть атрибут лишь мыслящих существ, мыслящих миров. И потому любая попытка понять, определить Культуру сулит возможностью понять существенное в нас самих.

Особенная сложность суждений о Культуре вызывается двумя обстоятельствами. Первое — это чрезвычайно большое разнообразие компонентов, ее образующих, и отношений между ними, которые следует принять во внимание, чтобы понять ее суть. Энтропийная сложность Культуры как объекта познания есть причина большого разнообразия ее концепций, между которыми в настоящее время нет согласия. Второе обстоятельство связано с тем, на что внимание человечества обратил И. Кант, доказавший, что любая реальность для нас — это «вещь в себе», это бесконечность, из которой для каждого нового акта познания мы выбираем лишь нечто существенное для нас, никогда не имея дела с нею целиком. При кажущейся безнадежности постижения Культуры, исходящей из этого обстоятельства, именно оно дает нам шанс понять ее так, как это необходимо для конкретного мысленного прикосновения к ней, а не вообще.

В нашем исследовательском опыте взгляд на Культуру и, стало быть, ее концепция обусловлены задачей выделения в ней механизмов, придающих поведению «заряженных» ею людей особенные признаки, по кото-

рым мы сможем отличать культуры друг от друга. Здесь «механизм» (по-богдановски[1]) — понятая организация ключевых факторов, задающих тот или иной тип поведению больших групп людей, образующих особенное общество. Поскольку у Культуры особенная природа, а точнее, природа, где господствуют законы мышления и порождаемых им смыслов реальности, то наиболее приемлемой для нашего исследования является ее так называемая **смыслогенетическая концепция**. Она восходит к работам Ю. Лотмана, А. Леонтьева, Л. Выготского, П. Гальперина, Л. Уайта, Э. Кассирера, Ч. Пирса, А. Бергсона, А. Ахиезера, А. Пелипенко и других мыслителей, признающих символическую природу человеческого поведения.

Поскольку эта концепция, как и любая живая научная идея, еще не имеет завершенной, застывшей, общепризнанной формы и находится в развитии, то здесь в относительно строгой последовательности будут представлены ее основные положения как некие фундаментальные зависимости, действующие в Культуре. Кроме этого, в главе предлагается взгляд на понимание кода Культуры как некоего технологического средства, переводящего размытые признаки поведения обладателей той или иной культуры к облику, при котором они могут быть продуктивно исследованы и сопоставлены с другими культурами. Все это послужит основанием для построения кода культуры русского мира, который будет использован нами для сравнения с культурой китайского мира. В конце главы предлагается сама логика этого сравнения.

Тем самым в этой главе будет выполнен первый этап исполнения логического подхода (рис. 2).

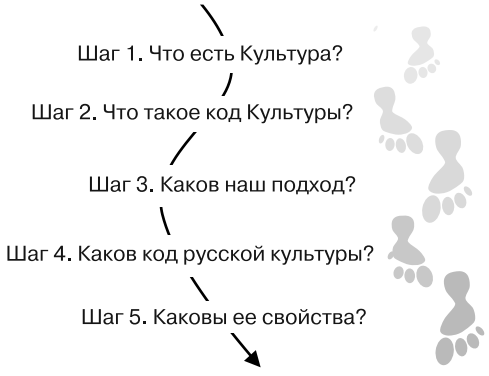

Рис. 2. Первый этап общей исследовательской логики

[1] *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. — М.: Экономика, 1989. Кн. 1. — 304 с.

Происхождение Культуры

Удобным и продуктивным приемом понимания любого явления живой реальности является обращение к ее первоначалу. Момент «не было, но стало» открывает возможность увидеть появление того нового, которое является существенным признаком новой формы жизни и которое в последующей эволюции теряется среди новообразований. Культуру можно понять, если понять существо фундаментального эволюционного перехода, состоявшегося от животного к человеку. Возможно, более полезным для нашего исследования будет объяснение любых таких переходов на эволюционной шкале развития жизни (рис. 3). Что существенного происходило в появлении каждой принципиально новой ее формы, определяющей особенный тип поведения ее представителей? Ответ видится таким: там происходило усиление качества различений реальности, определяющее поведение живого. Если опираться на существующую классификацию форм жизни (археи; эукариоты; протисты, грибы, растения, животные)[1], то несложно понять, что в каждой ее новой версии эволюция «открывала» новые способы реакции на среду, создавая тем самым особенные способы существования. Что же абсолютно нового внесла природа в существование животного по имени Человек?

Обобщая ряд состоявшихся изменений, произошедших с животными более миллиона лет назад, можно сказать, что новыми стали три важнейшие способности, изменившие способ существования живого.

1. **Способность к рефлексии** как способность не только отражать объекты реальности, но и оперировать этими отражениями, в том числе направлять внимание на самого себя. Иными словами, там возникло сознание.

   На родине этого существа, в Африке, в Олдувайском музее и памятнике — «Колыбель человечества» (Танзания) (Olduvai Museum & Cradle of Mankind Monument) есть свидетельства активности первого «человека умелого» возрастом около 2 млн лет. Это первые орудия труда (артефакты) и черепа Homo

---

[1] Признанная в науке классификация К. Везе. *Woese C., Fox G.* Phylogenetic structure of the prokaryotic domain: the primary kingdoms. (англ.) // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America: journal, 1977. — Vol. 74, no. 11. — P. 5088–5090.

habilis, которые наглядно свидетельствуют о том, что у приматов, эволюционировавших до человека, прирастал и усложнялся мозг, а стало быть, способности психики не только реагировать на разные раздражители, но и сознавать сами раздражения.

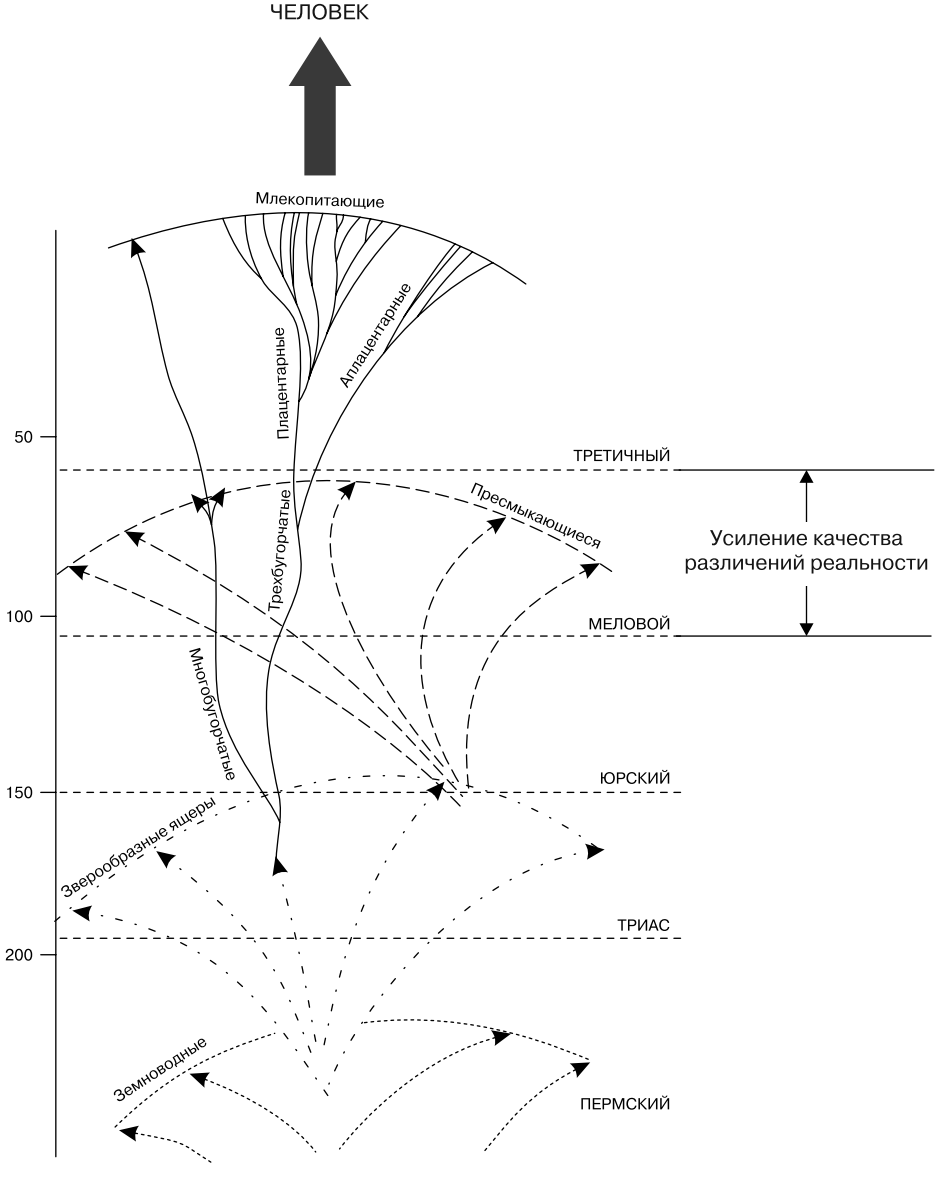

Рис. 3. Образ эволюции по Т. де Шардену

Это первое и наиболее значимое для нашего предмета обстоятельство неузнаваемо изменило животный мир. Теперь в нем появилось существо, для которого любой объект реальности, любой феномен внешнего мира отделен от него, то есть может быть помыслен (осознан) как нечто ему противостоящее. Точно так же ему оказались противопоставлены и явления его внутреннего мира — собственные чувства, мысли, действия. Сознание, зачатки которого эволюционировали от первых форм жизни постепенно и долго (около 4,4 млрд лет), созрело до способности создавать психические образы реальности, отчужденные от него самого, и оперировать ими. Это явление в антропологии и культурологии называют фатальной дуальностью — фундаментальным противоречием, развернувшимся перед человеком. Это противоречие между источником (автором) рефлексии и всем другим, что становится ее предметом. В упрощенной и тем самым в запоминающейся версии фатальную дуальность следует представлять в виде противоречия между тем, что можно назвать как «я» человека, и всем тем «другим», что отражается в его сознании (рис. 4).

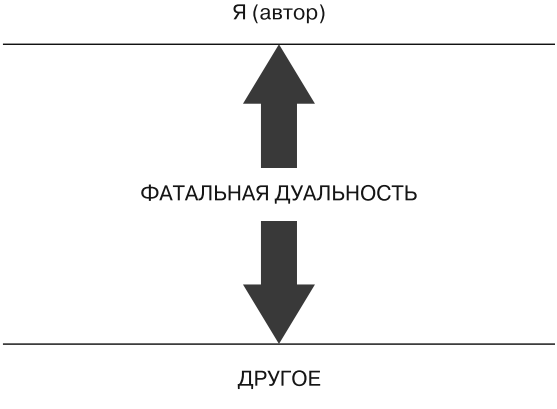

Рис. 4. Причинное основание культуры

Это не «проклятие», а неизбежное следствие того уникального эволюционного пути, который привел к возникновению Homo sapiens как мыслящего животного. Это причинное основание Культуры. Отчего так?

Благодаря этому феномену природы человек как бы «выпал» из животного мира в том смысле, что теперь он потерял живучее основание существования, на которое опирался мир до него. Это основание —

недвойственность, неразделенность, нерасчлененность биолого-психических реакций на объекты внешнего мира, которые в организмах животного управляются разнообразными программами — инстинктами. Именно эта слитность причин и реакций на внешние и внутренние раздражители обеспечивает их живучесть. Человек же потерял состояние синкретичности (нерасчлененности) своих переживаний и стал зависимым от разрешения внутреннего конфликта между ними и результатами их сознавания. Этот конфликт преодолевается тем, что человек пытается вывести это «другое» из скрытой области сознания во внешнюю, в явную, чтобы действовать. Как? Ответ лишь один — приданием определенного значения тому, с чем «встретилось» его сознание. То есть первочеловек перестал направляться встроенными (выработанными) программами поведения и начал руководствоваться теми различениями действительности, которые начал создавать сам. Эта способность стала основанием его живучести и способом существования. Но это не единственное, чем «наградила» и одновременно озадачила нас эволюция.

2. Вторым важнейшим признаком мира людей стала наша способность создавать разные версии значений тех объектов, с которыми встретилось сознание. Это **способность творить**, то есть придумывать несуществующее. Поначалу это отражалось на орудиях труда перволюдей и имело лишь прикладное, локальное значение. Постепенно эта способность эволюционировала до возможности творить историю, влияя тем самым на процессы мирового масштаба. По замечательной идее Ю. М. Лотмана, история началась лишь с появлением человека как существа, обладающего свободой выбора и создающего непредсказуемые события.

> Исторический процесс… возникает лишь в точке, где появляется свобода выбора. До этого момента мы имеем дело с эволюцией — процессом, протекающим по определенным и, в принципе, познаваемым законам… История — это то, что нельзя предсказать. Историческое событие — это всегда прорыв непредсказуемого[1].
>
> *Ю. М. Лотман*

[1] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. — М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. — 272 с.

Для нашего понимания Культуры важно обратить внимание на три обстоятельства, которые были обусловлены способностью людей творить. 1. Она проявляется в нашей возможности придавать разные значения объектам реальности. Как следствие, это приводит к порождению разных версий поведения и тем самым может увеличивать разнообразие репертуара нашего поведения, усиливая нашу живучесть. Здесь уместно указать и на то, что эта способность может приводить и к прямо противоположным событиям. 2. Творчество, опирающееся на те результаты рефлексии, на те различения реальности, к которым может подниматься мысль, создают возможность ставить перед собой цели. То есть целеполагание, как и история, также родом из Олдувайской долины. 3. Результатом творческих актов теперь становится возможность людей вступать в разные отношения с одними и теми же объектами реальности. Все эти различения понадобятся нам в дальнейших суждениях о Культуре.

3. Третья благодать эволюции состоит в **способности людей мобилизовать волю** на исполнение тех значений объектов реальности, которые мы порождаем/придаем им. Происхождение воли непременно следует связать с первой и второй способностями людей, поскольку возможность выбирать среди разных побуждений (мотиваций), вызванных разными событиями сознания, необходимое здесь и сейчас есть результат их различений и творческой интерпретации. Так воля становится двигателем действия человека, или (у Августина) «глубинной силы души, источником любви и действия».

Эти три фундаментальные способности (мыслить, творить и волить), будучи следствием биологической и психической эволюции живого, образовали новую реальность, не тождественную предыдущим творениям Природы. Сознавая объективный характер этой реальности и ее принципиальную новизну, Ф. Шеллинг дал ей имя «вторая природа», понимая под этим мир объективного духа, ставший для мыслящего животного его новой необходимой средой обитания[1]. В этой реальности, которая теперь именуется Культурой, действуют законы, не сводимые к законам «первой природы» — всей живой природы до появления человека. Исходя из этих суждений, Культуру следует рассматривать как совокупность явлений надбиологической сферы — сферы мыслей и обусловленных ими феноменов.

---

[1] *Шеллинг Ф. В. Й.* Философия откровения. — СПб.: Наука, 2000. Т. 1. — 699 с. — (Серия «Слово о сущем»).

В какой-то мере весьма приблизительно эту сферу определяет европейское понятие ментальности в трактовке Г. Талленбаха: «…всеобщая установка или коллективный образ мыслей, обладающий относительным постоянством и основывающийся не на критической рефлексии или спонтанных случайных мыслях, а на том, что рассматривается в пределах данной группы или общества как само собой разумеющееся»[1].

В жесткой форме этот (надбиологический) характер Культуры выразил Л. Уайт, который писал: «Человеческое от животного отличается не в целях (они подобны: захват власти, ресурсов и пр.), а в средствах. Средства человека — это культурные средства. Культура — это способ жизни человеческого животного»[2]. В связи с этим попытки объяснять Культуру в биологических, генетических, психологических и других «телесных» терминах ошибочны, поскольку они опираются на закономерности иной природы. Однако связи между обеими природами сложны и интересны — мы будем это обсуждать в уместной для нашего предмета форме.

В состоявшемся прикосновении к происхождению Культуры промелькнуло легкое обращение к термину «значение» — значение объектов реальности, с которым встретилось сознание человека. В действительности это одно из ключевых понятий, и, отталкиваясь от него, можно объяснить морфологию Культуры (ее строение) и пространство ее власти, которое должно как-то отражаться в коде культуры любого общества.

Морфология Культуры

Итак, **значение**. Этим понятием определяют нечто важное в каком-либо объекте для конкретного субъекта в определенных обстоятельствах.

Так, бумажные купюры на рынке имеют значение стоимости каких-то товаров, на которые их можно обменять. Эти же купюры в холодной пустыне имеют значение топлива для костра в холодную ночь, и не более. Значение письменного стола в квартире или кабинете — быть удобным средством,

---

1 *Телленбах Г.* Ментальность в средневековой концепции и практика исследования // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. — М.: Институт всеобщей истории РАН. Рос. гос. гум. ун., 1996. — 256 с.

2 *Уайт Л.* Избранное: Наука о культуре. — М., 2004. — 960 с.

мебелью, на поверхности которой можно располагать какие-то предметы. Тот же стол для продавца мебели имеет значение продукта, на котором можно получать маржу.

Речь идет о том, что любая вещь как таковая существует вне нашего восприятия[1]. Конкретные признаки и свойства любой вещи «возникают» лишь в нашем мышлении, причем в зависимости от наших намерений (Э. Гуссерль). И потому любая вещь может иметь столько значений, сколько намерений относительно нее может продуцировать любой субъект. Приблизительно эти же размышления отражает и декартовская идея о том, что мы никогда не имеем дела с реальностью, но всегда лишь с реальностью, «заключенной в скобки». Его откровение состоит в том, что мы «заключаем в скобки» всю внешнюю реальность, чтобы найти несомненную точку опоры в собственном сознании в конкретных обстоятельствах.

Все это указывает на то, что реальность обретает конкретное значение лишь в каких-то отношениях с ней. Иными словами, значения — это прежде всего атрибуты **отношений**. С этим надо пристально разобраться.

Отношения

Отношения — не простое явление реальности и потому весьма запутанное в публичной риторике. Наиболее продуктивно отношения определяются в теории множеств. Ее откровения состоят в том, что любое отношение — это прежде всего некая зависимость между объектами, которая имеет три грани, три признака (рис. 5):

- объекты, вступающие в отношения (участники отношения);
- значения объектов, участвующих в отношениях. Обычно их называют содержанием отношений;
- мощность отношения.

В любой культуре речь может идти лишь о том, что **участниками отношений** являются люди и интересующие их объекты реальности. Это такие объекты, как, например, вещи, другие люди, семья, цели, процессы, технологии, родина, смерть, собственное предназначение, благо, образование и все, что только можно потрогать, увидеть или помыслить.

---

[1] *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. — М.: Академический проект, 2020. — 567 с.

Рис. 5. Три грани отношений

Содержание отношений — это те значения, которые мы придаем всем этим объектам в конкретных обстоятельствах. Мы уже знаем, что наши рефлексивные и творческие потенции создают бесчисленное разнообразие значений отношений к одним и тем же объектам. Так, например, в смерти разные люди находят совершенно разные значения — от окончательного биологического распада до священного перехода в иной мир; от источника экзистенциального ужаса до мотиватора для полноценной жизни; от возвращения к божественному источнику до суда перед Ним и воздаяния и т. д. То или иное значение, которое обретает смерть в нашем сознании, определяет и поведение его «автора». И становится понятным, почему это понятие работает как культурное зеркало, отражающее самые глубокие представления общества о природе человека, о смысле существования и устройстве мироздания. Этот пример (пример многозначности смерти) — один из ключей к пониманию человеческой культуры в целом. Но точнее будет сказать, что понимание самой многозначности любого отношения и есть этот самый ключ.

Мощность отношений — это разнообразие объектов, которые участвуют в том или ином отношении. Для нашего примера мощность отношения к смерти определяется количеством тех людей, которые придерживаются того или иного ее значения.

Пожалуй, этих определений достаточно для того, чтобы ввести еще одно важное для понимания Культуры понятие. Оно уже объявлено в нашем рассуждении о феномене пробуждения мышления — это **смысл**. Рассуждая о нем, теперь будет правильным дать и ему несколько определений, рассматривая его с разных позиций и придавая ему разные значения. И только такой подход может помочь нам понять существо этого фундаментального понятия культурологии.